

объ его физической невозможности, любовное общеніе съ Папуасами едва ли могло бы доставить большое удовольствіе даже самому невзыскательному Европейцу. Затѣмъ, совершенно справедливо, что чѣмъ выше общественное положеніе человѣка, тѣмъ малочисленнѣе кругъ людей, къ которому онъ принадлежитъ; но такъ какъ время каждаго ограничено, то и этого круга обыкновенно болѣе чѣмъ достаточно, чтобы поглотить его вполнѣ, если онъ захочетъ предоставить себя въ распоряженіе равныхъ.

Что касается умственного и нравственного развитія лицъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ общества, о которыхъ такъ презрительно отзывается Л. Н. Толстой, то здѣсь, очевидно, есть нѣкоторое недоразумѣніе: о нравственномъ развитіи судить чрезвычайно трудно. Но нравственные качества человѣка не зависятъ отъ его случайнаго имущественнаго и общественнаго положенія, хотя проявленія ихъ при различныхъ условіяхъ настолько мѣняются, что сравненіе ихъ становится почти невозможнымъ. Тотъ же человѣкъ, который въ нуждѣ скромень до униженности, въ богатствѣ становится заносчивъ; щедрость превращается въ расточительность, бережливость въ скупость; но въ большинствѣ случаевъ богатство не рождаетъ, а только даетъ возможность проявиться наклонностямъ, которыя сдерживались нуждой. Есть, конечно, такіе пороки, которые развиваются благодаря богатству;